

УДК 82–95
doi 10.17072/2073-6681-2021-1-109-118

«НАРРАТИВ ОБ АВТОРЕ» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПИСАТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

Елена Александровна Селютина

к. филол. н., доцент, ведущий научный сотрудник,
доцент кафедры литературы и русского языка

Челябинский государственный институт культуры

454091, Россия, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а. L22502@yandex.ru

SPIN-код: 2873-9060

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5982-6208>

ResearcherID: T-2113-2017

Статья поступила в редакцию 22.09.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Селютина Е. А. «Нарратив об авторе» в контексте проблемы самоидентификации писателя в современном литературном процессе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 109–118. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-109-118

Please cite this article in English as:

Selyutina E. A. «Narrativ ob avtore» v kontekste problemy samoidentifikatsii pisatelya v sovremennom literaturnom protsesse [‘Narrative about the Author’ and the Problem of Writers’ Self-Identification in Modern Literary Process]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 109–118. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-109-118 (In Russ.)

Исследование посвящено анализу «нарратива об авторе» в интервью современных писателей. Литературно-художественные практики в современном литературном процессе переживают момент реконфигурации и переоценки системы писатель – читатель – текст. Происходит реактуализация авторской персоны, его прямой речи, рассчитанной на разные типы читательских публик. В интервью формируется особый «нарратив об авторе» (определение, идентификация себя как писателя). Автор статьи приходит к выводу, что писатель сталкивается с необходимостью публичной саморефлексии, автокомментирования, т. е. формирования метатекста – текста второго порядка о своем творчестве, становится самоинтерпретатором, получая возможность влиять на читательские векторы восприятия, при этом переходя из сферы сакральной в сферу потребления. Текст как коммуникативный акт перестает быть отчужденным от автора (отношения автора-текста-читателя становятся горизонтальными), читатель воспринимает произведение через модель личности, которую писатель представил публике. Необходимо исследовать авторский нарратив самопрезентации как систему добровольно или репрессивно принятых автором конвенций (нарративная рамка), наложенных на себя ограничений и способов их репрезентации, с учетом проблемы верификации этой самопрезентации. Оформление «нарратива об авторе» определяется множеством факторов, описание которых может служить иллюстрацией динамики взглядов современных писателей на сущность литературного творчества и миссию литератора в момент окончательного распада литературоцентричности. Исследование нарратива об авторе актуально в контексте понимания сложности определения магистральных художественных тенденций современности. Материалом исследования являются интервью писателя Е. Водолазкина, посвященные роману «Лавр».

Ключевые слова: автор; нарратор; «нарратив об авторе»; нарративная рамка; интервью; современный литературный процесс; Е. Водолазкин; «Лавр».

Активное присутствие автора в информационном пространстве (писатель, дающий интервью и прочие формы его означивания в литературной среде в конце XX – начале XXI в.) изменило читательскую культуру и требует нового языка описания этой ситуации. Литературно-художественные практики в России находятся в пространстве свободного движения довольно длительное время (с конца XX в. и по сей день), индоктринированные формы (т. е. формы, целенаправленно созданные теми или иными институтами власти) существования литературы оказались в прошлом, творчество все чаще не институционально и не зависит от государственной политики. Поэтому мы можем видеть, с одной стороны, десакрализацию персоны автора-творца (комментирование и вообще любой отклик на событие вокруг текста от читателей, представляющих разные типы публик), а с другой – изменение отношения к тексту, который перемещается в область элитарного досуга, доступного только тем, у кого есть свободное время, что доказал еще Ж. Бодрийяр [Бодрийяр 2006]. В этом случае фигура автора – живого участника диалога и его прямая речь начинают иметь заместительное значение, позволяя быть в курсе литературных новинок и даже вектора рефлексии о ней, иногда без чтения собственно произведения (см. подробнее [Селютина, Селютин 2016]). Пользуясь терминологией Ж. Женнета, мы можем говорить, что «“нарратив нехудожественный” начинает превалировать над “нарративом литературным”» [Женнет 1998]. И если «нарратив литературный» в отечественном литературоведении изучается активно (исследуется нарратив А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, писателей советского времени, нарративы авторов новейшего времени, например, В. Сорокина, В. Пелевина), то «нарратив нехудожественный», важный для понимания современного института авторства, не имеет такой богатой исследовательской истории. Важными, на наш взгляд, являются выводы о социокультурном конструировании эго-нарративов в статьях И. Л. Савкиной, которая полагает, что анализ эго-нарратива невозможен без апелляции к культурной традиции автобиографии и учета новых условий публичности и приватности [Савкина 2018; 2019]. Проблеме определения позиции автора в сложном меняющемся мире, когда на литературу воздействуют новые медиатехнологии, что приводит к трансформации состава художественной словесности под воздействием цифровизации, посвящены направления работы значимых научных проектов, таких как регулярная конференция «Культ-товары»: например, конференция «Культ-товары: массовая литерату-

ра современной России между буквой и цифрой» (Санкт-Петербург, 2018), организованная учеными Санкт-Петербурга, Перми, Екатеринбурга, Темпере (Финляндия) и др. (см. подробнее [Даниленко, Крендель 2019]).

В разработанной теории М. М. Бахтина о проблеме автора и героя в эстетической деятельности дается принципиальная позиция «внеаходимости» автора, даже в том случае, когда автор в тексте явно автобиографичен: автор смотрит на себя глазами «другого» [Бахтин 1979]. На наш взгляд, эта проекция оказывается рабочей в отношении нехудожественного текста, например, авторских слов и интервью, в том случае, если автору приходится формулировать реакцию интерпретации. «Что вы имели в виду, сказав это в своем произведении?» – этот условный вопрос интервьюера связан с помещением себя в позицию «другого» – критика, ученого, но не собственно автора. Такая позиция предполагает конструирование собственной истории авторства, оперирование определенными тезисами этико-эстетического характера: автор транслирует правила прочтения самого себя. Сошлемся на слова исследовательницы русского авангарда Л. Пановой, которая говорит о стандартном общественном договоре, «который предписывает художнику очаровывать, гипнотизировать, создавать иллюзии, обманывать; читателю – восхищаться, верить (в смысле *suspension of disbelief*) и обманываться» [Панова 2017: 63]. Продолжая мысль исследовательницы, скажем, что предписательность этого договора в современном литературном процессе может распадаться на множество вариаций, а в случае возможности открытого влияния на читателя породить нового типа нарратив.

Проблема «я-высказывания» (эго-нарратива) активно рассматривается как философская, психологическая, социологическая и языковая, но нас интересует нарратив, возникающий внутри самопрезентационной ситуации, который мы называем «нарратив об авторе» и понимаем под ним нарратив, содержащий в себе определение, идентификацию себя как писателя. Исследование нарратива об авторе актуально и в контексте понимания сложности определения магистральных художественных тенденций современности, что заставляет ученых говорить о «текучести» культурной ситуации [Бауман 2008], а также о «парадигмальных сдвигах», которые происходят под воздействием цифровизации в отечественных и зарубежных словесных практиках [Абашев, Абашева 2018]. Для современного автора представляет сложность момент соотношения себя с художественными системами (постмодерн, мета-

модерн и все его субпарадигмы), а также с теми ценностями, которые ранее могли бы считаться константными, но в современности активно пересматриваются (гендер, религия, политика, этика и т. п.). Неслучайно П. С. Гуревич и Э. М. Спирина ставят вопрос о «нулевой» идентичности как об одном из феноменов современной цивилизации: с одной стороны, определить границы себя самого является естественной человеческой потребностью, а с другой – нестабильность и смена конвенций приводят к тому, что человек хочет «изъять себя из всех определений» [Гуревич, Спирина 2015: 15].

Настоящее исследование посвящено анализу «нарратива об авторе» в интервью современных писателей, в которых они презентуют (продвигают) собственные труды. Специфика этого материала выражается, во-первых, в нарративной рамке, в которой оказывается писатель за счет диалоговой структуры, во-вторых – в рекуррентности, т. е. в многочисленном повторении информации о себе (интервью по поводу одного текста даются различным изданиям, рассчитанным на разные типы читающих публик, причем повторяемость информации не говорит о ее верификации, но обеспечивает частотность присутствия указанного нарратива и ставит перед нами проблему мнимой спонтанности); в-третьих – сочетание речевых жанров разного типа внутри интервью, моделируемых нарративной рамкой («воспоминание», «случай» и т. п.), а также его устный и разговорный характер. Нас интересует «нарратив об авторе», данный в аспекте самопрезентации, т. е. исследование структурно-семантического и коммуникативного аспектов данного нарратива (интенции моделирования нарратива, его композиционная структура, коммуникативные задачи). Поэтому методология исследования должна быть междисциплинарной, учитывать достижения современной когнитологии, медиалингвистики, социологии литературы, а также общий антропологический поворот в гуманитарном знании. В качестве эмпирической базы исследования использованы интервью писателя Е. Водолазкина, данные по поводу выхода романа «Лавр» (2012), отобранные вручную методом простой выборки, опубликованные в изданиях «Российская газета», «Ведомости», «Новая газета», «Афиша.Daily», «Известия» и др. (2012–2013 гг.), а также фрагменты телеинтервью, доступные в сети интернет (до 2014 г., так как в 2013 г. вышла новая книга писателя «Совсем другое время», и дискуссии изменились). Мы работали только с так называемыми классическими интервью, где взаимодействуют два субъекта – интервьюер и интервьюируемый. Критерием отбора интервью является их

направленность на максимально широкий и разнообразный круг воспринимающих субъектов (адресованы неспециалистам). В анализируемом материале важен момент концентрированности вокруг события (выхода книги), так как необходимо учитывать первичную рефлексию автора: интервью после 2016 г. уже учитывают момент писательской известности автора, построены на сравнении с опытом «Лавра», что является вторичной рефлексией.

Специалисты, изучающие теорию массовой коммуникации, полагают, что именно интервью «как составляющая сложной системы средств массовой коммуникации занимает одну из самых высоких позиций по частоте использования и технике исполнения» [Иванова 2009: 3]. В понимании интервью как жанра важно учитывать, что это изначально публичный диалог – особый вопросно-ответный комплекс (содержащий инициальные и реактивные реплики), в котором пронизана граница устной (спонтанной) и письменной (кодифицированной) речи, тесна связь с ситуацией, и, следовательно, на него активно влияют экстралингвистические факторы [там же: 9–10]. И. В. Иванова отмечает, что интервьюируемый – это общественно значимая фигура [там же]. Поэтому логично, что серия интервью сопровождает презентацию каждой новой книги и является частью маркетинговых стратегий издательств.

Внутри классического интервью, выстраиваемого как интервью-знакомство, мы можем выделить некоторое количество нарративов, которые оформляются как ряд относительно автономных микротем, сменяющих друг друга в зависимости от нарративной рамки, предложенной писателем автором интервью. В связи с максимально широким употреблением термина «нарратив» и его трансфером из одной теоретической сферы в другую требуется уточнить, что мы имеем в виду, говоря о выделении специфического «нарратива об авторе». Исследователи отмечают, что наполнение понятия «нарратив» не может быть однозначно понимаемым в связи с разницей методологических позиций авторов определений. Но общим методологическим основанием можно считать понимание нарратива в контексте анализа идентичности, проблем ее формирования и индивидуализации стратегий личностного развития. По словам Й. Брокмейера и Р. Харре, под нарративом стоит понимать «имя некоторого ансамбля лингвистических и психологических структур, передаваемых культурно-исторически, ограниченных уровнем мастерства каждого индивида и смесью его или ее социально-коммуникативных способностей» [Брокмейер, Харре 2000: 30]. Поскольку мы работаем только с уст-

ным нарративом (или с фиксацией устной речи, что, как мы указывали выше, должно рассматриваться именно в контексте устных высказываний), для нас особое значение имеют следующие теоретические положения теории нарратива. Под нарративом мы, вслед за Лабовым и Валетски, понимаем не только повествование в общем смысле (событие в жизни человека, изложение которого можно считать частью дискурса), но и схему организации опыта, имеющую определенную структуру, которую можно описать через ряд операций [Labov, Waletzky 1966]. Кроме того, мы опираемся на исследования М. Флудерник о «свободном непрямом дискурсе» («FID»), позволяющие объединить семиотический подход в изучении нарратива с когнитивным [Postclassical narratology 2010]. Понимая, что анализ нарратива писателя связан с проблемами психологии творчества, мы учитывали положение Дж. Брунера о «двойном ландшафте нарратива» (ландшафт сознания и ландшафт действия) и его связи с культурной традицией [Брунер 2005].

Специфика интервью по поводу выхода книги заключается в том, что писатель рассуждает в рамках рефлексии над собственной биографией (писательской и человеческой), что в терминологии Лабова должно рассматриваться как «нарратив личного опыта». Но если структурно нарратив об авторе совпадает с общими признаками нарратива повседневных историй, что дает основания для его формального выделения, то семантически он будет серьезным образом отличаться. В теории нарратива используются термины «малый нарратив» и «большой нарратив». Под «малым нарративом» понимают или рассказ о себе [Глаголев 2015], или незначительный эпизод жизни [Бамберг 2006, Тивьяева 2020]. Под «большим нарративом» – группу рассказов нарратора о себе, историю жизни субъекта [Труфанова 2010] или группу жизнеопределяющих событий [Бамберг 2006, Тивьяева 2020]. С точки зрения данных подходов, с учетом разницы в понимании объема события наррации, его смысловой полноты и включенности в широкий контекст жизни говорящего субъекта, мы должны определять «нарратив об авторе» как «малый нарратив»: это ответ на нарративную рамку, содержащую модальность долженствования (что должен делать автор в современном литературном мире, как должно писать современному автору и подобные вопросы). Но, на наш взгляд, более корректным термином в отношении сакрального вопроса о самоидентификации автора как творца будет термин «метатекстуальный нарратив». В классических исследованиях об авторской речи были выделены два уровня текста: собственно выска-

зывание и высказывание о высказывании [Вежбицкая 1978]. В тех случаях, когда оценочность и комментаторство играют значимую роль, ученые говорят о метатекстуальности как об особом свойстве текста [Балабин 2008], понимая под метатекстуальностью прежде всего интерпретационный аспект. И если мы говорим о художественных феноменах, например о литературе постмодерна, то признаками метатекстуальности будут пояснения, комментарии, сноски, соотносимые с основным предметом высказывания. Выделяя в особую категорию авторского высказывания «нарратив об авторе», определяя его как историю о самоидентификации, мы можем проследить формирование метатекстуального уровня: предмет рефлексии в данном нарративе обладает повышенной значимостью для нарратора, что приводит к иннективному комментированию его позиции. В ядре нарратива находится мысль об интенции: почему я пишу. В нарративе об авторе репрезентируется событие осознания авторства как специфической особенности собственной личности, и в зависимости от личности оно будет оформляться в варианты нарратива.

Структурно схема нарратива, предложенная У. Лабовым, может быть резюмирована так: тезисы (суть); ориентация (время, место, ситуация, участники); комплекс действий (последовательность) и осложняющее событие (что же все-таки случилось?); оценка (значимость и смысл действия, оценка рассказчика); резолюция (итоговое объяснение); кода (итог, завершение повествования, возврат к настоящему) [Labov, Waletzky 1966]. Но ученые отмечают, что части нарратива могут меняться местами, осложняющее событие может совпасть с оценкой и резолюцией. Специфика положения «нарратива об авторе» в интервью в том, что его введение зависит не от интервьюируемого, а от интервьюера, т. е. он существует внутри нарративной рамки, выражаемой вопросами. Кроме того, мы не можем зафиксировать текстовую связность, так как нарратив может быть фрагментарен, разорван, если интервьюер активно вводит уточняющие вопросы активного слушания. Описание этого нарратива возможно благодаря интерпретационным методам и связанному сюжету о писательстве, который позволяет говорить о едином нарративе. То, что Лабов называет «тезисами», в «нарративе об авторе» может оказаться как в начале, так и в конце интервью, совпадая с «оценкой» и «резолюцией».

С содержательной точки зрения перед нами нарратив, апеллирующий не только к личному, но и коллективному опыту (например, направленческим и стилистическим тенденциям, национальным, культурным и цивилизационным кон-

венциям о творческом акте). Эта многополярность позволяет нарратору постоянно соизмерять опыт субъектный с устойчивыми константами должностования, необходимости и т. п. Поэтому его рефлексия связана не только с идентификацией как субъекта профессии, но и с осмыслением себя самого как сакрального субъекта (легитимность самоназывания) – я-автор (я-поэт и т. п.). Другое отличие – это пространственно-временная локализация нарратива об авторе. Если в теории У. Лабова это формальный критерий, обладающий признаками реальной локальной и темпоральной обусловленности, то в данном случае нарратив эти границы может нарушать. Автор может определить условный временной и пространственный пуант, точку отсчета, с которой он начинает считать себя «настоящим автором» (или совершает первые творческие шаги), но при этом его рефлексия будет связана с институтом авторства как такового (авторами древних времен или Золотого века, например), который может охватывать не одно столетие, а в пределе и вечность. Таким образом, ретроспективность такого нарратива, естественная для авторкомментирования, может быть направлена не в прошлое нарратора, а в прошлое нации. Эти флуктуации между персональным-внеперсональным необходимы для верификации себя на литературной карте и выхода в резюме: «я писатель».

Как мы уже указывали выше, в классическом интервью «нарратив об авторе» выделяется благодаря нарративной рамке, которую формирует интервьюер. Специфика нарративной рамки в интервью с писателем Е. Водолазкинским связана с противопоставлением (или сопоставлением) его научной и писательской карьеры, «переменной участи»: большинство интервьюеров побуждают автора определиться, ученый он или писатель («Вы начали писать прозу. Означает ли это, что научные методы познания истины представляются вам недостаточно продуктивными?» [Кучерская 2012]; «Что для вас литература, жена или любовница – или же чеховское сравнение тут не работает?» [Варламов 2013]). Высока частотность упоминания, что писатель – ученик Д. С. Лихачева. И это действительно имеет значение, так как нарратив о себе самом у Водолазкина всегда соизмеряется с авторами Древней Руси, входящими в сферу его научных интересов (см., например, его высказывания о «профессиональной деформации» в интервью с критиком Л. Данилкиным [Данилкин 2013]). Поэтому, говоря о специфике репрезентации Е. Водолазкиным своего творчества, необходимо учитывать, что он в «нарративе об авторе» выступает в двух ролях сознательно («Как литературовед, я (и не

только я) фиксирую...» [Варламов 2013]), как рассказчик и как исследователь большой истории литературы, частью которой он стал (то, что М. Флудерник анализировала как «свободный непрямой дискурс»). Часть нарратива, которая У. Лабовым названа «ориентация», в данном случае оказывается темпорально в современности (хотел описать то, что отсутствует в современности), и наоборот, соотнесена с глубокой древностью, авторами-летописцами (и во многих интервью автор сравнивает «кабинетного ученого» с келейником-летописцем). И потому смысловым ядром «нарратива об авторе» у Водолазкина является вопрос об истине в творчестве, понимаемой в древнерусском ключе (отсутствие лжи) – столкновение истинного и ложного в современной культуре («современный культ успеха» [Токарева 2013]). Поэтому данный «нарратив об авторе» связан с возвратом писателя в сферу сакрального, но не в отношении возвышения, как это было в классической традиции нового времени (автор-пророк), а как повторение средневековой модели авторства-служения («я ведь пытался писать внутренне смиренно» [Данилкин 2013]). С точки зрения локализации, также входящей в ориентационную часть нарратива, в «нарративе об авторе» Водолазкина важна мысль об альтернативности его авторского пути, напрямую зависящего от места писания – Санкт-Петербурга, где он живет и работает, Большой Москве, где успех литературный часто оказывается равным гонорару: «Всякий желающий “достичь успеха” понимает, что в полной мере эта цель осуществима лишь в Москве. За исключением науки и литературы, к которым мне посчастливилось иметь отношение» [Варламов 2013]; «многих, как и меня, раздражает сегодняшний культ успеха, причем понятого не только в финансовом отношении, но и в смысле принадлежности к определенному кругу» [Токарева 2013].

Водолазкин позиционирует себя как автор, подключенный к сфере сакрального, вневременного: «Хороший писатель всегда должен быть немножко не здесь, должен быть менее сиюминутным» [Кучерская 2012]; автор-медиатор высших смыслов: «Я чувствовал себя не столько писателем, сколько переводчиком, транслятором» [Токарева 2013]. «Тезисом» нарратива является сообщение, что труд литератора – поиск истины, поэтому литература работает в сфере иррационального (чувства, интуиция, вера), «возникает некий надтекстовый смысл. Это в некотором смысле взгляд за горизонт» [там же]; это сфера эмоций («Те эмоции, которые не помещаются в науку, я отдаю литературе» [Варламов 2013]; «появилась потребность в том языке выражения,

который включает в себя иррациональное» [Данилкин 2013]. И в труде автора заложена энергия вопроса: «Я скорее ставил вопросы, чем отвечал на них. Иногда правильно поставить вопрос важнее, чем на него ответить. Собственно, лучший случай – это когда на вопрос отвечают читатели: каждый по-своему. Это и есть тот надтекстовый смысл, о котором я говорил» [Кучерская 2013]. Поэтому оценочной частью «нарратива об авторе» («оценка») является отказ от дидактики и установка на внутреннюю работу писателя в ходе творческого акта: «Пока писал книгу – сам учился, мы с ней делали друг друга» [там же]; «Мы с этим текстом делали друг друга: я его писал, он, насколько это возможно, исправлял меня. Его влияние на меня было очень большим; когда описываешь человека с бесспорными достоинствами, немножко приближаешься к нему и сам» [Токарева 2013]; «у меня нет права на учительство – ни духовного, ни морального, ни тем более литературного, – потому что не дело литературы учить» [Данилкин 2013]. В данной интерпретации роли писателя сталкиваются две традиции осмысления функций литературы в современности: с одной стороны, есть понимание, что литература способствует формированию личности или «формовке читателя» (Е. Добренко), с другой – сам аспект дидактики дискредитирован идеологической составляющей, существовавшей до недавнего времени в комбинации с учительством в советском литературоведении, хотя сам по себе он имеет древнюю традицию равнодушного отношения к судьбе текстов, берущую начало в древнерусской литературе.

Важной частью анализируемого нарратива является точка начала писания, входящая в «ориентацию». Автор раз за разом отмечает, что писать художественные тексты он начал поздно, после сорока лет, поэтому авторство – результат взросления. На вопрос о том, изменила ли литературная известность его жизнь, он отвечает, что, с одной стороны, он слишком взрослый, чтобы всерьез наслаждаться славой, а с другой (в соответствии с древнерусской традицией самоуничтожения в зачине агиографических и иных текстов) – известность к нему пришла в «литературном мире», который не имеет всеобъемлющего характера и его известность локальна [Издательство АСТ 2013]. «Осложняющее событие» («что же все-таки случилось») в «нарративе об авторе» комментирует момент переоценки произведений Водолазкина, которые были написаны и изданы до «Лавра». Признание его как одного из лучших авторов художественной литературы произошло после выхода в шорт-лист премии «Большая книга» (2010) романа «Соловьев и Ла-

рионов», но общественное внимание пришло только после победы в премиях «Большая книга» и «Ясная поляна»-2013 (первая премия) с романом «Лавр». Автор интерпретирует собственный успех через общие тенденции современного литературного процесса (он ответил на внутрилитературную тенденцию к анализу не внешних обстоятельств существования героя, а «внутренних ресурсов персонажа» [Смирнова, Толстая 2013]) и национальный запрос на литературу с нравственной проблематикой, связанной с персональной ответственностью личности («Но литературное произведение все-таки не об истории семьи и государства, а об истории личности» [Симакова 2013]). В оценочную часть также входит анализ собственной художественной стратегии (метода). Выработка персонального нарратива в романе «Лавр» связана с «воскрешением слова» [Данилкин 2013] (в противовес деконструкции), «специально для этой книги я изобрел новый язык» [там же].

Итак, анализ «нарратива об авторе» на примере интервью писателя Е. Водолазкина позволил показать, каким образом конструируется персональная история авторства и какими тезисами этико-эстетического характера оперирует писатель. Важной чертой «нарратива об авторе» нужно считать самоописательность и верификацию себя как творца, что принципиально отличает «нарратив об авторе» от эго-нарратива в целом (предмет рефлексии в данном нарративе обладает повышенной значимостью для нарратора). «Нарратив об авторе» имеет метатекстовый характер, реконструкция которого продуктивна в контексте анализа внутренней рефлексии писательского сообщества над ролью и местом писателя в новейшей культуре, когда авторство осознается как специфическая особенность личности, в зависимости от которой оно оформляется в варианты нарратива (у Е. Водолазкина в ядре нарратива – столкновение истинного и ложного в творчестве). Данный тип нарратива зависим от нарративной рамки жанра интервью и условий его представления. Необходимость исследовать этот нехудожественный нарратив обуславливается особенностями восприятия фигуры писателя современными читателями. Формально-содержательное единство «нарратива об авторе» позволяет говорить о типичном и индивидуальном в идентификационном процессе.

Список литературы

Абашиев В. В., Абашиева М. П. Поверх барьеров: трансфикциональность, интермедиальность, трансмедиальность как стратегии современной культуры // Культ-товары: массовая литература

современной России между буквой и цифрой: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 19–37.

Балабин В. В. Метатекстуальность и интертекстуальность в исследованиях дискурса // Вестник МГИМО-Университета. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metatekstualnost-i-intertekstualnost-v-issledovanii-diskursa/viewer> (дата обращения: 29.08.2020).

Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7–181.

Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. С. А. Комарова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с франц. Е. А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / пер. с англ. Е. А. Мамчур // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.

Брунер Дж. Жизнь как нарратив / пер. с англ. М. В. Соколовой; под ред. А. М. Корбута // Постнеклассическая психология. 2005. № 1(2). С. 9–29.

Варламов А. Лавр непросто открывался: интервью // Российская газета. 2013. 11 янв. URL: https://evgenyvodolazkin.ru/614_evgenij-vodolazkin-ya-xotel-rasskazat-o-cheloveke-sposobnom-na-zher-tvu/ (дата обращения: 29.08.2020).

Вежбицкая А. Метатекст в тексте / пер. с англ. А. Д. Шмелева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс. 1978. С. 402–421.

Глаголев В. С. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. М.: Проспект, 2015. 231 с.

Гуревич П. С., Спирова Э. М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2015. 368 с.

Даниленко Ю. Ю., Крендель А. Б. Массовая литература в современной России: вызовы цифровой эпохи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 86–93. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-86-93

Данилкин Л. Родная речь: «Я не имитатор, я был бы неплохим древнерусским писателем» // Афиша. Daily. 2013. 26 нояб. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/ya-ne-imitator-ya-byl-by-neplohim-drevnerusskim-pisatelem/> (дата обращения 29.08.2020).

Женнет Ж. Повествовательный дискурс / пер. с фр. Е. Васильевой и др. // Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60–280.

Иванова И. В. Жанр интервью: формы бытования и языковые особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009. 24 с.

Издательство АСТ представляет: Евгений Водолазкин // Встреча с Евгением Водолазкиным на 27 Московской междунар. книжной выставке-ярмарке. 2014. 24 сент. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fejMvjxqjaE> (дата обращения 29.08.2020).

Кучерская М. Евгений Водолазкин: С точки зрения вечности // Ведомости. 2012. 7 дек. URL: https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2012/12/07/pisatel_nemnozhko_ne_zdes (дата обращения 29.08.2020).

Панова Л. Мнимое сиротство: Хлебников и Хармс в контексте русского и европейского модернизма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 608 с.

Савкина И. Л. Быть знаменитым красиво: эготексты как феномен // Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 110–123.

Савкина И. Л. «А старость вот она, рядом»: репрезентации старости и старения в дневниках советского времени // Шаги / Steps. 2019. Т. 5. № 2. С. 188–210.

Селютин Е. А., Селютин А. А. Культура чтения в современных коммуникативных практиках: сетевые медиа и картина мира современного читателя // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 13(395). С. 106–112.

Симакова С. Евгений Водолазкин: «Человек создан для вечности» // 74.ru: информационный портал. 2013. 23 окт. URL: <https://74.ru/text/education/59437461/> (дата обращения 29.08.2020).

Смирнова А., Толстая Т. Евгений Водолазкин // Школа злословия. 2013. 29 июня. URL: <https://www.ntv.ru/peredacha/shkola/m543/o174762/video/> (дата обращения 29.08.2020).

Тивьяева И. В. Структурная организация мнемического нарратива // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 303–314.

Токарева М. Евгений Водолазкин: «История человека важнее истории человечества» // Новая газета. 2013. 30 сент. № 109. URL: <https://novaya-gazeta.ru/articles/2013/09/27/56548-evgeniy-vodolazkin-171-istoriya-cheloveka-vazhnee-istorii-chelovechestva-187> (дата обращения: 29.08.2020).

Труфанова Е. О. Я-нарратив и его автор // Философия науки. Вып. 15: Эпистемология: актуальные проблемы / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2010. С. 183–194.

Bamberg M. Biographic-Narrative Research, Quo Vadis. A Critical Review of «Big Stories» from the

Perspective of «Small Stories» // Narrative, Memory & Knowledge: Representations, Aesthetics, Contexts. University of Huddersfield, 2006. P. 63–79. URL: <http://eprints.hud.ac.uk/id/eprint/4902/> (дата обращения: 29.08.2020).

Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Helm J. (Ed.) Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society. Seattle: University of Washington Press, 1966. P. 12–44.

Postclassical narratology: Approaches and analyses / ed. by M. Fludernik, J. Alber. Columbus: Ohio State University, 2010. 323 p.

References

Abashev V. V., Abasheva M. P. Poverkh bar'ero: transfiksional'nost', intermedial'nost', transmedial'nost' kak strategii sovremennoy kul'tury [Over the barriers: Transfictionality, intermediality, transmediality as a strategy of modern culture]. *Kul't-tovary: massovaya literatura sovremennoy Rossii mezhdubukvoy i tsifroy: sbornik nauchnykh statey* [Cultgoods: Mass literature of modern Russia between the letter and the digit: Collection of scientific articles]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2018, pp. 19–37. (In Russ.)

Balabin V. V. Metatekstual'nost' i intertekstual'nost' v issledovaniyakh diskursa [Metatextuality and intertextuality in discourse studies]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2008, issue 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metatekstualnost-i-intertekstualnost-v-issledovanii-diskursa/viewer> (accessed 29.08.2020). (In Russ.)

Bakhtin M. M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatelnosti [Author and hero in aesthetic activity]. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 7–181. (In Russ.)

Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Fluid modernity]. Transl. from English by S. A. Komorov. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p. (In Russ.)

Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego miyf i struktury* [The consumer society: Its myths and structures]. Transl. from French by E. A. Samarskaya. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya. Respublika Publ., 2006. 269 p. (In Russ.)

Brokmejer J., Harre R. Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoy al'ternativnoy paradigmy [Narrative: Problems and promises of an alternative paradigm]. Transl. from English by E. A. Mamchur. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2000, issue 3, pp. 29–42. (In Russ.)

Bruner J. *Zhizn' kak narrativ* [Life as a narrative]. Transl. from English by M. V. Sokolova, ed. by A. M. Korbut. *Postneklassicheskaya psikhologiya*

[Postnonclassical Psychology], 2005, issue 1(2), pp. 9–29. (In Russ.)

Varlamov A. *Lavr neprosto otkryvalsya: interv'y'u* [Lavr was not easy to open: interview]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Gazette], January 11, 2013, issue 3(5979). Available at: https://evgenyvodolazkin.ru/614_evgenij-vodolazkin-ya-xotel-rasskazat-o-cheloveke-sposobnom-na-zhertvu/ (accessed 29.08.2020). (In Russ.)

Vezhbitskaya A. Metatekst v tekste [Metatext in a text]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The New in Foreign Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978, issue 8. *Lingvistika teksta* [Text linguistics], pp. 402–421. (In Russ.)

Glagolev V. S. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v usloviyakh globalizatsii* [Intercultural communication in the context of globalization]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 231 p. (In Russ.)

Gurevich P. S., Spirova E. M. *Identichnost' kak sotsial'nyy i antropologicheskyy fenomen* [Identity as a social and anthropological phenomenon]. Moscow, Kanon+ROOI 'Reabilitatsiya' Publ., 2015. 368 p. (In Russ.)

Danilenko Yu. Yu., Krendel' A. B. Massovaya literatura v sovremennoy Rossii: vyzovy digital'noy epokhi [Mass literature in modern Russia: Challenges of the digital age]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 86–93. (In Russ.)

Danilkin L. Rodnaya rech': 'Ya ne imitator, ya byl by neplokhim drevnerusskim pisatelem' [Native speech: 'I am not an imitator, I would be a good old Russian writer']. *Afisha. Daily*, November 26, 2013. Available at: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh-books/ya-ne-imitator-ya-byl-by-neplohim-drevnerusskim-pisatelem/> (accessed 29.08.2020). (In Russ.)

Jeannette J. *Povestvovatel'nyy diskurs* [Narrative discourse]. Jeannette J. *Figury: v 2 t.* [Figures: In 2 vols.]. Transl. from French by E. Vasil'eva et al. Moscow, Sabashnikov's Publishing House, 1998, vol. 2, pp. 60–280. (In Russ.)

Ivanova I. V. *Zhanr interv'y'u: formy bytovaniya i yazykovye osobennosti: Avtoreferat diss. k-ta filol. nauk* [Interview as a genre: Forms of existence and language features. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Astrakhan, 2009. 24 p. (In Russ.)

Izdatel'stvo AST predstavlyaet: Evgeniy Vodolazkin [AST Publishing House presents: Evgeniy Vodolazkin]. *Vstrecha s Evgeniem Vodolazkinym na 27 Moskovskoy mezhdunarodnoy knizhnoy vystavke-yarmarke* [Meeting with Evgeniy Vodolazkin at the 27th Moscow International Book Fair]. September 22, 2014. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=fejMvjxqjaE> (accessed 29.08.2020). (In Russ.)

Kucherskaya M. Evgeniy Vodolazkin: S tochki zreniya vechnosti [Evgeniy Vodolazkin: From the point of view of eternity]. *Vedomosti*, December 7, 2012. Available at: https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2012/12/07/pisatel_nemnozhko_ne_zdes (accessed 29.08.2020). (In Russ.)

Panova L. *Mnimoe sirotstvo: Khlebnikov i Kharms v kontekste russkogo i evropeyskogo modernizma* [Imaginary orphanhood: Khlebnikov and Kharms in the context of Russian and European modernism]. Moscow, Higher School of Economics Press, 2017. 608 p. (In Russ.)

Savkina I. L. Byt' znamenitym krasivo: egoteksty kak fenomen [Being famous is beautiful: egotexts as a phenomenon]. *Kul't-tovary: massovaya literatura sovremennoy Rossii mezhdu bukvoy i tsifroy: sbornik nauchnykh statey* [Cult-goods: mass literature of modern Russia between the letter and the digit: Collection of scientific articles]. Ed. by M. A. Chernyak. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2018, pp. 110–123. (In Russ.)

Savkina I. L. 'A starost' vot ona, ryadom': reprezentatsii starosti i stareniya v dnevnikakh sovet-skogo vremeni ['And old age is here, nearby': Representations of old age and aging in diaries of the Soviet era]. *Shagi* [Steps], 2019, vol. 5, issue 2, pp. 188–210. (In Russ.)

Selyutina E. A., Selyutin A. A. Kul'tura chteniya v sovremennykh kommunikativnykh praktikakh: setevye media i kartina mira sovremennogo chitatelya [Reading culture in modern communication practices: Network media and the modern reader's picture of the world]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2016, issue 13(395), pp. 106–112. (In Russ.)

Simakova S. Evgeniy Vodolazkin: 'Chelovek sozdan dlya vechnosti' [Evgeniy Vodolazkin: 'Man is created for eternity']. *74.ru: Informatsionnyy portal* [74.ru: Information portal]. October 23, 2013.

Available at: <https://74.ru/text/education/59437461/> (accessed 29.08.2020). (In Russ.)

Smirnova A., Tolstaya T. Evgeniy Vodolazkin [Evgeniy Vodolazkin]. *Shkola zlosloviya* [School of slander]. June 29, 2013. Available at: <https://www.ntv.ru/peredacha/shkola/m543/o174762/video/> (accessed 29.08.2020). (In Russ.)

Tiv'yaeva I. V. Strukturnaya organizatsiya mnemicheskogo narrativa [Structural organization of the memory narrative]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2020, issue 1, pp. 303–314. (In Russ.)

Tokareva M. Evgeniy Vodolazkin: 'Istoriya cheloveka vazhnee istorii chelovechestva' [Evgeniy Vodolazkin: 'A person's history is more important than human history']. *Novaya gazeta* [New Newspaper]. Sept. 30, 2013, issue 109. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2013/09/27/56548-evgeniy-vodolazkin-171-istoriya-cheloveka-vazhnee-istorii-chelovechestva-187> (accessed 29.08.2020). (In Russ.)

Trufanova E. O. *Ya-narrativ i ego avtor* [Self-narrative and its author]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Sciences.]. Ed. by V. A. Lektorskiy. Moscow, RAS Institute of Philosophy Publ., 2010, issue 15. *Epistemologiya: aktual'nye problemy* [Epistemology: Current issues], pp. 183–194. (In Russ.)

Bamberg M. Biographic-narrative research, Quo Vadis. A critical review of 'big stories' from the perspective of 'small stories'. *Narrative, Memory & Knowledge: Representations, Aesthetics, Contexts*. University of Huddersfield, 2006, pp. 63–79. Available at: <http://eprints.hud.ac.uk/id/eprint/4902/> (accessed 29.08.2020). (In Eng.)

Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience. Ed. by J. Helm. *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society*. Seattle, University of Washington Press, 1966, pp. 12–44. (In Eng.)

Postclassical Narratology: Approaches and Analyses. Ed. by M. Fludernik, J. Alber. Columbus, Ohio State University, 2010. 323 p. (In Eng.)

**‘NARRATIVE ABOUT THE AUTHOR’
AND THE PROBLEM OF WRITERS’ SELF-IDENTIFICATION
IN MODERN LITERARY PROCESS**

Elena A. Selyutina

**Leading Researcher, Associate Professor in the Department of Russian Literature and Language
Chelyabinsk State Institute of Culture**

36a, Ordzhonikidze st., Chelyabinsk, 454091, Russian Federation. L22502@yandex.ru

SPIN-code: 2873-9060

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5982-6208>

ResearcherID: T-2113-2017

Submitted 22.09.2020

The research is devoted to the analysis of the ‘narrative about the author’ in interviews with contemporary writers. Modern literary process is characterized by reconfiguration and reevaluation of the writer-reader-text system. The author’s persona, their direct speech intended for different types of readership are coming to the fore. In interviews, a special ‘narrative about the author’ (self-identification as a writer) is formed. The author of the article comes to a conclusion that writers are faced with the necessity of public self-reflection, self-commenting, i. e. creation of a metatext – a second-order text about one’s own creative work; they become self-interpreters, gaining the ability to influence the reader’s perception vectors, while shifting from the sphere of the sacred to the sphere of consumption. Text as a communication act ceases to be alienated from the author (the author-text-reader relationship becomes horizontal), the reader perceives the work through the model of personality that the writer has presented to the public. It is necessary to study the author’s narrative of self-representation as a system of voluntary or repressive conventions adopted by the author (narrative framework), restrictions imposed by the author on themselves, and ways of their representation, taking into account the problem of verification of this self-representation. The way the ‘narrative about the author’ is arranged is determined by many factors; the description of those can serve as an illustration of the dynamics of modern writers’ views on the essence of literary creativity and the mission of the writer in the time of literary centrality coming to collapse. The study of the ‘narrative about the author’ is relevant in the context of understanding the complexity of determining the main artistic trends of the present time. The research is based on the material of interviews with the writer E. Vodolazkin devoted to his novel *Lavr*.

Key words: author; narrator; ‘narrative about the author’; narrative frame; interview; modern literary process; E. Vodolazkin; *Lavr*.